

From my perspective, the legislation of Belarus should provide for the possibility of euthanasia as an exceptional measure, clarifying the conditions under which it can be practised and the procedure itself. The human rights to life and to die are really closely interconnected and no one has the right to prevent a person who has the right to die from exercising this right. The state, depriving a person of the right to die, restricts his freedom, turns the right to life into an obligation to live, but when it comes to ill people, the choice is not between life and death, but between an easy and painful death.

In conclusion, life and death are extremely important but at the same time ambiguous objects of the legal science. The problem of precise legal regulation lies in the difficulty of giving concise definitions of concepts, in rapidly developing technologies, new opportunities, needs and trends of human life. This has led to an increasing number of issues requiring ethical and legal discussion and regulation.

Литература

1. Robinson, R. The legal nature of the embryo: Legal subject or legal object? / R. Robinson // Potchefstroom Electronic Law Journal. – 2018. – Vol. 21, № 1.
2. Robertson, J. A. Human cloning and the challenge of regulation / J. A. Robertson // The New England journal of medicine. – 1998. – Vol. 339, № 2. – P. 119–122.
3. Block, W. et al. Human organ transplantation: economic and legal issues / W. Block // Quinipiac Health LJ. – 1999. – Vol. 3. – P. 87.
4. Симанович, Л. Н. Самоубийство и эвтаназия – соотношение и правовые аспекты / Л. Н. Симанович // World science : problems and innovations. – 2018. – С. 175–179.
5. Curran Jr, P. M. Regulating death: Oregon's death with dignity act and the legalization of physician-assisted suicide / P. M. Curran Jr // Geo. LJ. – 1997. – Vol. 86. – P. 725.
6. О здравоохранении: Закон Респ. Беларусь, 18 июня 1993 г., № 2435-XII: с изм. и доп. // Национальный правовой интернет-портал Республики Беларусь [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.pravo.by/document/?guid=3871&p0=V19302435>. – Дата доступа: 20.04.2019.

Соблюдение принципа недискриминации в контексте миграционного кризиса

*Кочумова Ш. А., студ. III к. БГУ,
науч. рук. Карканица Н. В., ст. преп.*

Современное состояние международных отношений характеризуется наличием экономического кризиса и внутренних вооруженных конфликтов в странах Ближнего востока и Юго-восточной Африки. Данные явления оказывают непосредственное влияние на миграционные процессы, следствием

которых являются сложная демографическая ситуация в странах Западной и Восточной Европы, вопросы защиты национальной безопасности, рост праворадикальных настроений, что вызывает обострение проблемы защиты прав мигрантов. По состоянию на 2017 г., общее число мигрантов, включая вынужденных и добровольных, насчитывало более 258 млн человек [1].

Международной гарантией защиты мигрантов является принцип недискриминации, отраженный в договорах и актах универсального и регионального характера. Большую часть добровольных мигрантов составляют трудящиеся-мигранты. Правовое положение трудящихся-мигрантов регулируется Международной конвенцией о защите прав трудящихся-мигрантов и членов их семей 1990 г. Статья 7 Конвенции содержит обязательство государств по недопущению дискриминации мигрантов. Правовому положению трудящихся-мигрантов также посвящены международные договоры МОТ: Конвенция о сохранении за мигрантами пенсионных прав № 50, Конвенция о трудящихся-мигрантах № 66. К вынужденным мигрантам традиционно относят беженцев и внутренне перемещенных лиц. Конвенция о статусе беженцев, принятая в 1951 г., содержит запрет дискриминации беженцев по признаку расы, религии и страны происхождения.

На мигрантов также в равной степени распространяются права, закрепленные в Международном пакте о гражданских и политических правах и Международном пакте об экономических, социальных и культурных правах. В Европейском союзе действует ряд источников вторичного права о правовом статусе граждан третьих государств. Весь существующий пласт норм демонстрирует, что в общем не существует пробела в правовой регламентации запрета дискриминации мигрантов, однако миграционный кризис играет ключевую роль в том, что правовая и социальная реальность, с которой они сталкиваются, далека от той, которую государства обязуются обеспечить всем находящимся на их территории и под их юрисдикцией.

Более того, большинство вышеперечисленных стандартов распространяются только на регулярных мигрантов. При этом число нерегулярных мигрантов продолжает расти, и судьба миллионов людей, в том числе женщин и детей, по различным причинам оказавшихся в другом государстве, лежит вне правовых рамок. Для решения этой проблемы необходимо применять общие принципы равенства и недискриминации в отношении их права на жизнь, личную неприкосновенность и других основополагающих прав, а также важно наладить более тесное сотрудничество государств, в том числе с региональными механизмами по защите прав человека.

Проблемы положения мигрантов особенно остро проявляются, в частности, по вопросам их интеграции в принимающее общество, без каких-либо предрассудков, ограничений или опасностей, число которых неумолимо увеличивается. Так, по официальным заявлениям полиции Франции количество

антисемитских инцидентов выросло на 74%, а праворадикальная партия Германии часто обвиняется в разжигании ненависти к беженцам, мусульманам и евреям [2]. Более того, Франция на законодательном уровне запретила мужчинам и женщинам носить в общественных местах одежду, покрывающую их лицо. Данный акт нейтрален в гендерном и иных аспектах, но может негативно затрагивать мусульманское население. Европейский суд по правам человека высказал позицию по данному акту в деле *S.A.S. v. France* 2014 г. Истица ссылаясь на нарушение государством ст. 8 (свобода частной и личной жизни) и ст. 9 (свобода вероисповедания) в сочетании со ст. 14 (запрещение дискриминации) Европейской конвенции по правам человека. Суд не нашел нарушения указанных статей, так как такой запрет был установлен законом, преследовал законные цели в демократическом обществе, в данном случае целью было поддержание общественной безопасности [3].

Очевидно, что условия кризисной миграционной ситуации обуславливают принятие рестриктивных законов и вынесение по ним судом сложных и противоречивых решений, которые в нормальных условиях могут представлять дискриминацию на осуществление права на свободу вероисповедания и самовыражения, однако в свете неуменияющегося числа мигрантов также принимается во внимание политическая ситуация в стране, в частности меры по поддержанию общественной безопасности и противодействию угрозе актов терроризма. Тем не менее следует помнить, что даже существование такой угрозы не должно оправдывать принятия законов и мер на дискриминационной основе.

Таким образом, в свете описанных событий необходима разработка детального и комплексного механизма по эффективной интеграции неграждан в принимающее общество, так как государство, взявшее на себя ответственность по принятию таких лиц, должно обеспечить им пользование всеми правами человека, присущими достоинству человеческой личности без какой-либо дискриминации, даже в случае отсутствия соответствующего международно-правового обязательства, относящегося именно к мигрантам.

Литература

1. Immigrant and Emigrant Populations by Country of Origin and Destination // Migration policy institute [Electronic resource]. – 2017. – Mode of access: <https://www.migrationpolicy.org/programs/data-hub/charts/immigrant-and-emigrant-populations-country-of-origin-and-destination?vvidtli=-10Q0&height=850&iframe=true>. – Date of access: 21.03.2019.

2. Antisemitism rising sharply across Europe, latest figures show [Electronic resource] // The guardian. – 2019. – Mode of access: <https://www.theguardian.com/news/2019/feb/15/antisemitism-rising-sharply-across-europe-latest-figures-show>. – Date of access: 21.03.2019.

3. S.A.S. v France: Judgement of 1st of July 2014 // European court of human rights [Electronic resource]. – 2014. – Mode of access: [https://hudoc.echr.coe.int/eng#1"itcmid":\["001-145466"\]j. – Date of access: 21.03.2019.](https://hudoc.echr.coe.int/eng#1)

Риски, возникающие при осуществлении договора финансовой аренды (лизинга)

*Кравчис А. В., студ. IV к. ГрГУ им. Я.Купалы,
науч. рук. Бодяк Н. Е., ст. преп.*

Оценка риска, прогнозирование и управление им – важные составляющие любой инвестиционной деятельности, в том числе и лизинговой. В процессе осуществления лизингового проекта участники сделки сталкиваются с совокупностью различных видов рисков, которые отличаются между собой по месту и времени возникновения, совокупности внешних и внутренних факторов, влияющих на их уровень, и, следовательно, по способу их контроля и оценки, методам описания.

Д. И. Хизириева отмечает, что процесс заключения лизингового договора – с момента приобретения объекта лизинга и передачи его лизингополучателю вплоть до исполнения сторонами договора лизинга своих обязательств и совершения ими мероприятий по закрытию договора лизинга (выкуп объекта лизинга по остаточной стоимости и переход права собственности к лизингополучателю или по возврату такого объекта его собственнику) – сопровождается рисками [1].

Все риски, с которыми сталкиваются лизинговые компании, являющиеся лизингодателями по договору финансовой аренды (лизинга), Д. И. Хизириева предлагает разделить на две большие группы:

- 1) общие (с ними сталкиваются все предприятия);
- 2) специфические (связанные только с лизинговой деятельностью) [1].

Достаточно развернутая классификация приводится и в работах В. Д. Газмана, систематизирующего риски лизинговых компаний на пять крупных групп:

- 1) риски, связанные с выбором предмета лизинга;
- 2) риски, связанные с поставщиками предмета лизинга;
- 3) риски, связанные с утратой лизингополучателем платежеспособности в период исполнения договора лизинга;
- 4) риски, связанные с ликвидностью предмета лизинга и предметов обеспечения лизинговой сделки;
- 5) риски, связанные с формированием портфеля договоров лизинговой компаний [2, с. 7–16].